

С.С. Арнольди

**Современные учения о
нравственности и ее история**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
С11

С11 **С.С. Арнольди**
Современные учения о нравственности и ее история / С.С. Арнольди – М.:
Книга по Требованию, 2014. – 216 с.

ISBN 978-5-458-54971-4

ISBN 978-5-458-54971-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ной мысли. Наука въ своихъ выводахъ и въ своихъ методахъ останется неизмѣнною, но литература ея въ каждой народности приметъ особый характеръ.

Англійская литература въ послѣднее время стоитъ положительно во главѣ европейскихъ литературъ во всѣхъ отрасляхъ. Милль не имѣетъ соперниковъ въ ряду мыслителей Европы, такъ какъ Фейербахъ давно уже остановился на вопросахъ сороковыхъ годовъ. Бокль въ исторіи, Ляйбелъ, Дарвинъ и группа термо-механиковъ въ естествознаніи обозначаютъ своими именами новыя направленія науки, а около нихъ группируется цѣлая фаланга крупныхъ знаменитостей. Романисты Англій создали беллетристику, съ которой въ настоящую минуту нельзя сравнить ни одну беллетристику на материкѣ. Не мудро, что при этомъ почти каждый годъ приписать намъ изъ Англій труды, которые обращаютъ на себя вниманіе основательностью и трезвостью мысли, свѣжестью постановки вопросовъ. Главное достоинство англійскихъ трудовъ этого рода составляетъ то возбуждающее дѣйствіе, которое они производятъ. Обыкновенно они вызываютъ многочисленныя противорѣчія. Противники указываютъ на недостаточность ихъ и по полнотѣ, и по плану, и по отдѣлкѣ, но при всей ихъ недостаточности, они вліяютъ сильно на однородную имъ литературу, вызываютъ замѣчательную работу мысли и, чрезъ нѣсколько времени, историки литературы должны сознаться, что къ англійскимъ трудамъ приходится возвести цѣлыя отрасли литературныхъ произведеній, что самые противники ихъ, болѣе или менѣе, подчинились ихъ вліянію. Самые замѣчательные писатели материка несравненно болѣе способны подпасть рутинѣ литературнаго и ученаго преданія, чѣмъ писатели Англій.

Но эти неоспоримыя достоинства англійской литературы связаны и съ нѣкоторыми недостатками, вліяніе которыхъ пропорціонально вліянію англійскихъ писателей. При множествѣ свѣжихъ и вѣрныхъ мыслей, эти писатели гораздо болѣе стараются о разнообразіи подтвержденій своей мысли

примѣрами, чѣмъ о строгости ихъ вывода, а еще менѣе о томъ, чтобы обобщить ихъ, довести до простѣйшихъ началъ и затѣмъ изъ этихъ началъ прослѣдить логическое развитіе слѣдствій до окончательнаго округленія системы. Именно *это* вызываетъ другихъ писателей на работу мысли, но это самое имѣетъ слѣдствіемъ поразительныя неточности, встрѣчающіяся въ самыхъ замѣчательныхъ трудахъ, логическіе промахи, крупныя пробѣлы и неосторожныя умозаключенія. Ни Милль, ни Бокль, ни Ляйель не избавлены отъ этихъ недостатковъ, а тѣмъ болѣе Гюксли, Льюисъ, Спенсеръ, Грове, Томсонъ, Карлейль и т. д. Относительно одного Дарвина трудно доказать подобное же положеніе. Но вліяніе писателей обыкновенно отражается такъ, что ихъ недостатки столь же быстро переходятъ въ общее литературное достоиніе, какъ и ихъ достоинства, тѣмъ болѣе, что, въ первоначальной полемикѣ, противники тычутъ въ глаза недостатками, не признавая достоинствъ, а послѣдователи, въ пылу борьбы, защищаютъ недостатки наравнѣ съ достоинствами. Только современемъ вырабатывается болѣе трезвый и спокойный взглядъ на вопросы, а между тѣмъ слишкомъ много силъ терлется на развитіе ложныхъ основаній и на оспариваніе истинныхъ. Сами англійскіе писатели, гордые высокимъ положеніемъ ихъ отечественной литературы и ея вліяніемъ на материкъ, повидимому, вовсе не сознаютъ въ себѣ этой общей наклонности къ недостаткамъ послѣдняго рода, а потому незамѣтно, чтобы эти недостатки уменьшились въ послѣднее время, какъ въ Германіи замѣтно уменьшается склонность къ метафизическимъ приемамъ мышленія, а во Франціи склонность къ фразѣрству и къ національной исключительности въ литературѣ.

Книга Лекки: «Исторія европейской нравственности отъ Августа до Карла-Великаго», по поводу которой пишется эта статья, принадлежитъ хотя и не къ первостепеннымъ, однако, къ весьма замѣтнымъ явленіямъ современной литературы; но именно предметъ, выбранный авторомъ,

такого рода, что достоинства и недостатки, о которыхъ я говорилъ предъ этимъ, должны были здѣсь выказаться всего ощутительнѣе. Нельзя не посовѣтовать прочесть эту книгу, и я увѣренъ, что большинство читателей вынесетъ изъ этого чтенія много свѣжихъ мыслей, большую ясность взгляда на нѣкоторыя важныя событія исторіи цивилизаціи и охоту самому подумать о многихъ вопросахъ, возбужденныхъ авторомъ. Но я полагаю, что столь же неизбежно читатель вынесетъ весьма смутное понятіе объ области, исторію которой пишетъ авторъ, о существенномъ и второстепенномъ въ ея задачахъ, и о томъ отношеніи, которое имѣетъ исторія нравственности къ прогрессу человечества.

Итъ области, гдѣ рутинное преданіе и предвзятая мысль имѣли бы такое обширное поле дѣйствія, какъ именно область нравственности и ея исторіи. Въ большинствѣ книгъ по этому предмету читатель встрѣтится съ узкимъ взглядомъ моралиста извѣстной партіи, и сейчасъ подмѣтитъ стремленіе гнуть факты и оцѣнивать ученія сообразно нѣкоторымъ догматическимъ предразсудкамъ автора. Именно этотъ недостатокъ не существуетъ въ разсматриваемомъ трудѣ. Прочтя книгу, можно сказать, что авторъ стремится всѣми силами къ тѣмъ двумъ видамъ правдивости мысли, которые онъ называетъ политическою и философскою правдивостью. Первая составляетъ для него (I, 145) «тотъ духъ безпристрастія, который въ спорныхъ вопросахъ желаетъ полнаго и добросовѣстнаго изложенія всѣхъ мнѣній, доводовъ и фактовъ». Легко говорить о ней справедливо: «Эта привычка къ тому, что называютъ обыкновенно *добросовѣстнымъ состязаніемъ* (fair play), характеризуетъ specially свободныя общества и преимущественно питается политическою жизнью. Практика преній создаетъ чувство несправедливости устраненія одной стороны вопроса, чувство, которое распространяется на всѣ формы умственной жизни, и становится существеннымъ элементомъ національнаго характера».

Далѣ онъ говоритъ: «Но за этимъ существуетъ еще высшая форма умственной добродѣтели. Расширеніе умственной культуры въ особенности же философскія изслѣдованія приводятъ, наконецъ, людей къ изысканію истины для нея самой, къ установленію обязанности освободить себя отъ духа партіи, отъ предразсудковъ, отъ страсти, и, путемъ любви къ истинѣ, выработать въ себѣ духъ судебного безпристрастія въ столкновеніи мнѣній. Люди стремятся имѣть умъ не сектатора, но философа, умъ не чловѣка партіи, а государственнаго чловѣка».

Именно это высокое безпристрастіе при оцѣнкѣ событій, мнѣній и нравственныхъ типовъ разныхъ историческихъ эпохъ самымъ пріятнымъ образомъ дѣйствуетъ на читателя. Онъ видитъ ясно, что авторъ стремился къ истинѣ, къ одной истинѣ, что онъ пытался быть справедливымъ даже и къ формамъ жизни, ему, очевидно, не симпатичнымъ. Это невольно внушаетъ довѣріе.

Замѣтимъ, что подобная «философская правдивость» какъ Лекки называетъ — прилагается имъ не только къ минувшему, но и къ настоящему. Я не могу не выписать при этомъ случаѣ прекрасной характеристики французовъ и англичанъ, представленной авторомъ, характеристики, гдѣ самый правомѣрный патріотизмъ соединенъ съ самымъ чловѣчнымъ взглядомъ на иныя націи (I, 160).

«Главные національныя добродѣтели французовъ вытекаютъ изъ большой способности ихъ къ сочувствію, способности, служащей также основаніемъ нѣкоторыхъ изъ ихъ самыхъ прекрасныхъ умственныхъ качествъ, ихъ общественныхъ привычекъ и ихъ вліянія на Европу, недопускающаго соперничества. Ни одной націи не привычно на столько и ни въ одной націи не живо такъ сочувствіе къ великимъ битвамъ за свободу, происходящимъ внѣ собственной территоріи. Ни одна литература не выражаетъ духа, столь открытаго для впечатлѣній, столь вселенскаго, ни одна не излагаетъ такъ умно и не оцѣниваетъ такъ широко чужія идеи. Ни въ одной странѣ без-

корыстная война для поддержанія страждущей національности не нашла бы столь широкой поддержки. Многочисленны и тяжки національныя преступленія Франціи, но многое простится ей, потому что она много любила. Съ другой стороны, англо-саксонскія національности, хотя иногда возбуждались сильнымъ, но проходящимъ энтузіазмомъ, обыкновенно же чрезвычайно узки по мысли, не цѣнятъ другихъ и не склонны къ сочувствію. Великій источникъ ихъ національной добродѣтели есть чувство долга, способность слѣдовать по пути, который они считаютъ надлежащимъ, независимо отъ всякихъ соображеній о сочувствіи или содѣйствіи, объ энтузіазмѣ или успѣхѣ. Другія націи приносили ихъ во многихъ прекрасныхъ и въ некоторыхъ великихъ качествахъ. Достоинство англо-саксонской расы въ томъ, что она болѣе истѣхъ другихъ произвела людей, подобныхъ Вашингтону. людей, пожалуй, равнодушныхъ къ славѣ, но весьма заботливыхъ о чести; людей, для которыхъ высшее величіе нравственной прямоты составляло руководящее начало жизни; людей, доказавшихъ въ самыхъ рѣшительныхъ обстоятельствахъ, что ни искушенія честолюбія, ни бури страсти не побудятъ ихъ на волосъ отклониться отъ того пути, который они считаютъ своимъ долгомъ».

Другая важная заслуга Лекки заключается въ томъ, что онъ оставилъ рутинный приѣмъ исторіи мысли, господствующій на материкѣ, приѣмъ, по которому системы мыслителей составляютъ какъ бы особую традицію, независимую отъ жизни общества, общественные же нравы, привычки, преданія и беллетристика составляютъ особую группу. Лекки разсматриваетъ нравственныя понятія и представленія въ цѣлости ихъ развитія, то концентрирующагося въ системахъ мыслителей, то раздробляющагося въ различныхъ проявленіяхъ общественной жизни *). Это придаетъ его изложенію разносторонность и живость, ко-

*) Въ русской литературѣ были указанія за возможность соединенія этихъ двухъ элементовъ въ исторіи философіи.

торыя отсутствуют въ обычныхъ исторіяхъ нравственной философіи, переходящихъ отъ одного философскаго автора къ другому. Въ то же время это позволяетъ осмысливать жизненныя явленія лучше, чѣмъ оно было бы возможно при рядѣ картинъ этой жизни.

Еслибы мы захотѣли привести читателямъ всѣ замѣчательныя мѣста книги, гдѣ Лекки высказываетъ свѣжія и вѣрныя мысли, заслуживающія вниманія, намъ пришлось бы выписывать очень много. Впрочемъ, къ иному мы еще вернемся, можетъ быть, въ послѣдствіи. Здѣсь попутно замѣтимъ мысль, очень простую и брошенную авторомъ мимоходомъ, но на которую публицисты и историки иногда недостаточно обращаютъ вниманія. Мы приводимъ ее такъ-такъ едва-ли будемъ имѣть случай вернуться къ этому предмету. Авторъ говоритъ объ оцѣнкѣ характера націи (I, 159): «Покорный, добродушный и лояльный народъ, вслѣдствіе этихъ самыхъ качествъ подпадаетъ подъ иго деспотическаго правленія; но эта неограниченная власть всегда оказывала самое вредное вліяніе на правителей; ихъ многочисленныя хищническія и оскорбительныя дѣйствія приписывались исторіею народу, которому эти лица служили представителями, и національный характеръ былъ изображенъ совершенно ложно».

Мы отдаемъ, такимъ образомъ, полную справедливость достоинствамъ труда Лекки, достоинствамъ, которыя составляютъ этому труду видное мѣсто въ ряду англійскихъ историко-философскихъ произведеній, и принадлежать, какъ сказано выше, къ характеристическимъ чертамъ англійской литературы новаго времени въ ея лучшихъ представителяхъ. Но и характеристическіе недостатки здѣсь выставляются также крупно.

Во первыхъ, въ сочиненіи Лекки насъ поражаетъ недостатокъ системы, безпрестанныя забѣганія впередъ и назадъ въ историческомъ изложеніи, отступленія, повторенія, не совсѣмъ понятныя выдѣленія вопросовъ, имѣющихъ свое мѣсто, въ особенныя главы, наконецъ, смѣ-

шеніе историческаго изложенія съ критикою мѣтній. Напримѣръ, вся третья глава, въ 140 страницъ, составляющая болѣе четверти перваго тома, весьма интересна и дѣльна, но къ предмету нисколько не относится. Это диссертация о причинахъ обращенія имперіи въ христіанство, имѣющая въ виду опровергнуть многочисленныя ложныя мѣтнія, существующія на этотъ счетъ. Читатель найдетъ въ пей много для себя полезнаго, но ничего уясняющаго развитіе нравственныхъ идеаловъ или мѣру ихъ. Другимъ примѣромъ можетъ служить послѣдняя, пятая глава книги: «Положеніе женщинъ». Даже въ подробномъ оглавленіи авторъ поставилъ въ концѣ четвертой главы слово: *заключеніе*, слѣдовательно, выдѣлилъ эту пятую главу; но почему? Это съ систематической точки зрѣнія тѣмъ менѣе можно объяснить, что предметъ пятой главы прямо относится къ исторіи нравственности и большую часть вопросовъ, заключающихся въ этой главѣ, авторъ неизбежно затрогиваетъ во второй и въ четвертой главахъ, по сущности составляющихъ всю основу сочиненія. Поэтому онъ не избѣгаетъ ни повтореній, ни разбрасываній совершенно однородныхъ частныхъ по разнымъ мѣстамъ своего труда. Подобные формальные недостатки истекають, очевидно, изъ пренебреженія къ систематическому изложенію мысли и къ отдѣлкѣ труда въ его построеніи, пренебреженія, на которое было уже указано, когда мы говорили объ особенностяхъ англійскихъ авторовъ. Впрочемъ, бойкость рѣчи, интересъ содержанія и ясность изложенія Лекки имѣють слѣдствіемъ, что читатель не очень непріятно пораженъ этимъ недостаткомъ.

Нельзя этого сказать о теоретическомъ построеніи, лежащемъ въ основѣ исторіи автора. Этому теоретическому построенію посвящена вся первая глава въ 168 страницъ; оно должно уяснить читателю задачу сочиненія, планъ его и послужить опорой для всѣхъ частныхъ историческихъ сужденій; но читатель способенъ вынести изъ первой главы впечатлѣніе крайней неясности нравственныхъ

вопросовъ или вообще или для автора въ особенности; впечатлѣніе очень слабой аргументаціи и нѣкотораго недовѣрія къ предстоящей оцѣнкѣ. Наконецъ, эти недостатки теоретическаго построенія отразились въ нѣкоторой степени и на исторической оцѣнкѣ. Авторъ слишкомъ усвоилъ себѣ точку естествоиспытателя и нравственные типы, имъ обрисованные, выходятъ столь же объективно-равнодѣльными, какъ строеніе мухи сравнительно со строеніемъ паука. Они смѣняютъ другъ друга, но вопросъ о нравственномъ развитіи или паденіи при смѣнѣ этихъ типовъ одинъ другимъ, вопросъ о прогрессѣ или регрессѣ при этомъ какъ бы не существуетъ. Авторъ даже положительно высказываетъ въ иныхъ мѣстахъ, что нравственный прогрессъ въ одномъ отношеніи всегда сопровождается регрессомъ въ другомъ. Все это сообщаетъ его исторіи нравственности видъ панорамы, не представляющей философскаго интереса, такъ-какъ для прошедшаго имѣешь лишь результатъ: бывали очень различные нравственные типы для настоящаго и будущаго; приходится относиться индифферентно къ различію нравственныхъ взглядовъ, такъ-какъ безусловнаго преимущества одинъ передъ другимъ не имѣетъ. Мы теперь же выскажемъ прямо, что считаемъ подобное заключеніе радикально ложнымъ.

Подобный взглядъ на исторію нравственности тѣмъ болѣе можетъ поразить читателя, что, читая первую сотню страницъ произведенія, онъ скорѣе имѣетъ поводъ ожидать совершенно противнаго. Здѣсь авторъ излагаетъ и оцѣниваетъ взгляды на нравственность, выработанные двумя различными школами англійскихъ мыслителей, именно школою утилитаристовъ и школою прямого воззрѣнія (intuitive school). При этомъ авторъ весьма рѣшительно становится въ ряды послѣдней школы и всѣми силами полемизируетъ противъ утилитаристовъ. Легки характеризуетъ различіе мнѣній этихъ двухъ направленій (распадающихся, впрочемъ, на много оттѣнковъ) слѣдующимъ образомъ (I, 127): «Школа, исходящая изъ основной истины,

что все люди желаютъ счастья, и стремящаяся развить изъ этого начала все нравственныя ученія, и школа, возводящая наши нравственныя системы къ воспріятію прямого воззрѣнія (intuitive perception), что нѣкоторыя части нашей природы выше или лучше другихъ». Въ другихъ мѣстахъ онъ устанавливаетъ болѣе опредѣленно особенности школы. Такъ, онъ говоритъ объ утилитаріанцахъ (I, 75), что они, «не вѣруя въ существованіе нравственнаго чувства или способности, открывающей намъ, что добро и что зло, утверждаютъ, что источникъ этихъ представленій заключается просто въ нашемъ опытѣ относительно стремленія различныхъ родовъ поведенія содѣйствовать или мѣшать истинному счастью». Мнѣнія же противоположной школы (которой самъ придерживается) онъ формулируетъ такъ (I, 102): «Все необходимое во мнѣніяхъ приверженцевъ этой школы заключается въ двухъ предложеніяхъ: во первыхъ, наша воля не руководится исключительно закономъ удовольствія и страданія, но и закономъ долга, закономъ, который мы сознаемъ, какъ отличный отъ предыдущаго, и влекущій за собою чувство обязательности. Во вторыхъ, основа нашего попеченія о долгѣ есть воспріятіе прямого воззрѣнія, что между различными чувствованіями, стремленіями и побужденіями, составляющими наше аффектируемое существо (emotional being), явныя существенно хороши, и ихъ слѣдуетъ поощрять, а иныя существенно дурны, и ихъ слѣдуетъ подавлять. Они утверждаютъ, какъ психологическій фактъ, что мы сознаемъ прямымъ воззрѣніемъ превосходство нашихъ доброжелательныхъ аффектовъ надъ зложелательными, правды надъ ложью, справедливости надъ несправедливостью, благодарности надъ неблагодарностью, половой воздержности надъ чувственностью, и что всегда и вездѣ добродѣтель была направлена къ высшимъ чувствованіямъ, а не къ низшимъ».

Въ своей полемикѣ противъ утилитаризма Лекки еще съ большею опредѣленностью выставляетъ фактъ существованія постояннаго элемента въ нравственности. «Цѣль

человѣка—говорить онъ (I, 120)—есть полное развитіе его существа въ той симметріи и пропорціональности, которая назначена ему его природою, и это развитіе обуславливаетъ, что высшее, господствующее побужденіе его жизни должно быть побужденіе нравственное». Во всѣ времена добродѣтель состояла въ развитіи однихъ и тѣхъ же чувствованій, хотя мѣрки достигнутой доблести могли быть различны. Но нравственные факты вѣрнѣе выражаются терминами: выше и ниже, болѣе или менѣе благородно, болѣе или менѣе чисто, чѣмъ терминами добро и зло, добродѣтель и порокъ. Въ нѣкоторомъ смыслѣ наши нравственные различія безусловны и неизмѣнны... Существуютъ дѣйствія, столь явно и столь грубо противныя нашимъ нравственнымъ чувствамъ, что они считались зломъ на самыхъ низшихъ ступеняхъ развитія этихъ чувствъ (113). «Мы утверждаемъ одно неизмѣнное положеніе: доброжелательство есть всегда настроеніе добродѣтельное; чувственная сторона нашей природы есть всегда сторона низшая» (114).

Послѣ этого конечно можно ожидать, что авторъ беретъ строгіе элементы «неизмѣнно добродѣтельныхъ» чувствованій и дѣйствій, и что аргументы его въ пользу этой неизмѣнности начала добра и начала зла опираются на научныя данныя, вполне очевидныя или критически изслѣдованныя. Но при внимательномъ чтеніи оказывается, что Лекки пытается лишь доказать, на сколько точка зрѣнія утилитаристовъ расходится съ *обычнымъ* употребленіемъ словъ: добродѣтель и порокъ. «Если моралисты утверждаютъ—говорить онъ (I, 34),—что все называемое нами добродѣтельно, извѣстно подъ этимъ названіемъ лишь изъ за своей полезности, и что лишь расчетъ дѣйствующаго лица служить ему побужденіемъ для добрыхъ дѣлъ, то мы спросимъ естественно (?) прежде всего, на сколько эта теорія согласна съ чувствами и съ рѣчью человѣчества. Но на основаніи этого критерія, не было ученія болѣе рѣшительно осужденнаго, какъ утилитаризмъ. На